

(что отчасти и случилось прежде съ «Незнакомкой»), смѣняется подлинной ироніей. Простота ситуаций сдерживаетъ и только подчеркиваетъ ту старинную идею, къ которой все творчество Блока приближается съ исключительной личной болѣю, преданностью. Отсюда, въ частности, вытекаетъ несомнѣнная и простая сценичность его новой драмы. Она вполне осуществима и на современной сценѣ. Въ роли Изоры—богатый матеріалъ для драматической актрисы. Можно опмѣпить недостаточную убѣдительность только одного изъ эпизодическихъ мотивовъ этой прекрасной пьесы: мотивъ сѣвера и снѣжной ночи. Въ прежнемъ онъ находилъ себѣ цѣльное и обоснованное выраженіе у Блока (особенно въ «Снѣжной Маскѣ»). Теперь, входя эпизодически, онъ недостаточно правдоподобно отнесенъ къ Бретани.

Б. Г.

ПИСЬМА ГРАФА Л. Н. ТОЛСТОГО КЪ ЖЕНѢ.

«На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля».

Такъ писалъ Пушкинъ, близкій къ послѣднему дню, такъ хотѣлъ онъ строитъ свою жизнь дальше, неся въ сердцѣ своемъ неизгладимыя обиды «свѣта».

Сознательно или же по велѣнію сердца, такъ начиналъ строитъ свою семейную жизнь съ перваго ея дня графъ Л. Н. Толстой. Не медля ни минуты, съ упорствомъ разъ навсегда принятаго рѣшенія, увозилъ онъ молодую жену въ свои дебри, дабы свитѣ тамъ крѣпкое гнѣздо.

Казалось бы, какая изумительная рознь существуетъ межъ божественно-легкой, вольной птицей—Пушкинымъ и исконно-тяжелой фигурой графа Толстого, а между тѣмъ въ порядкѣ эпитетовъ чувствъ они сошлись вплотную. Но такъ должно было быть. Въ томъ убѣждаетъ насъ тогдашняя жизнь русскаго дворянина. Человѣкъ не могъ быть не на своей почвѣ, не могъ препровождать дни «въ трудахъ» и «чистыхъ нѣгахъ», не ощущая запаха земли. И только такой могла быть жизнь *дворянскаго* и *мужицкаго* писателя.

Судя по «крипикамъ», первое, что долженъ испытывать современный читатель отъ «писемъ Толстого къ женѣ»—это недоумѣніе, а, быть можетъ, досаду. Письма любви великаго человѣка и великаго писателя не *поднимаютъ*, не *возвышаютъ*, не распекаются по капризнымъ извилинамъ интимной ласки или обиды, но приближаютъ насъ къ себѣ своей обыкновенностью. «Цѣлую тебя въ дѣтской, за ширмами, въ сѣромъ капотѣ». «Разсказывать я тебѣ вообще буду много и буду сердиться, что ты слушаешь, какъ пищитъ Маша, а не то, что я говорю». Послѣднія слова какъ бы убѣждаютъ въ «великой мукѣ», которую несъ Толстой до конца жизни и которую разрѣшилъ своимъ уходомъ въ Астапово. «Великая семейная трагедія»—вотъ что есть письма Толстого, и крипика и читатель удовлетворены: все-таки письма необыкновенны.

Но почему же, чувствуя свою жизнь такой «несчастливой», Толстой тяготеетъ внѣ дома, гдѣ «пищитъ Маша» и мѣшаетъ ему «много разсказывать», и нетерпѣливо спрашиваетъ: «будетъ ли это, и когда»? Казалось бы, ваали отъ семьи и долженъ былъ создаваться внутренній покой и необходимый просторъ для личной жизни. Но такъ не было. Большая одинокая жизнь искала простыхъ успокоительныхъ внѣшнихъ формъ, и, разъ навсегда облекшись въ нихъ, скрытно свершала свой правильный путь. Даже «измѣнитъ женѣ» было менѣе всего возможно внѣ дома. И высокое небо Болконскаго было видно тамъ, гдѣ по своимъ земнымъ законамъ шла повседневная мѣшиная суета, и, быть можетъ,

не одна высокая мысль, не одна художественная строка была начертана графомъ на оборотѣ какой-нибудь староспиной записки, гдѣ крестиками исчислялось количество навоза, отправленного на поле. Въ силу этого въ письмахъ нельзя найти мятежнаго языка страстей, а «трагедіи» не было, ибо не иная, а только такая простая и крѣпкая семейная жизнь соотвѣтствовала напряженному внутреннему одиночеству.

Письма Толстого драгоценны въ иномъ смыслѣ. Драгоценны тѣмъ, что въ нихъ записанъ съ точностью до самой малой пеленки одинъ изъ великихъ русскихъ людей. Читая ихъ, временами хочешь посповатъ на томъ неприятный тонъ, какимъ написана большая часть ихъ, и тонъ этотъ сообщенъ имъ нескрываемымъ себялюбиемъ Толстого. Но и это впечатлѣніе мимолетно, его смѣняетъ иное чувство: почти физически созерцаешь огромную фигуру человека, исполненную *природной* красоты. Да будетъ сказано это въ честь его и во славу. Огромное, сильное тѣло безобразно и ненужно, коли оно безъ любви ощущаетъ самого себя.

Ни экскурсы въ область богословскихъ исканій, ни кропотливое и долгое изученіе художественнаго наслѣдія Толстого не нарисуютъ его почтѣ, чѣмъ онъ самъ себя нарисовалъ въ письмахъ. *Быть*—вопъ самый почтнѣйшій рѣзецъ для изображенія исконно-крѣпкой дворянской натуры Толстого, коей не свойственны никакія «трагедіи» и никакіе «надрывы».

«Уходъ» графа Толстого передъ смертью, которому крикливо навязывали смыслъ «конца семейной трагедіи»,—былъ лишь концомъ его духовнаго пути, черты же, въ которыхъ облекся онъ, были истинно Толстовскими чертами: какъ *по-природному* свивалъ онъ свое большое гнѣздо, такъ *по-природному* пошелъ искать смерти.

Отъ «писемъ Толстого» вѣетъ благословеннымъ запахомъ той земли, имя которой—*родина*. А громадную фигуру русскаго графа и генія ощущаешь до самыхъ ея корней скрытыхъ въ тучномъ черноземѣ.

П. Сухотинъ.